

КОГДА любимый миллионами, истинно выдающийся человек уходит в Лучший Мир — выясняется, что на грешной земле он оставил сотни, если не тысячи ближайших друзей, и, судя по их рассказам, каждый из них был самым близким, а то и единственным. А на деле, он при жизни не только что вообще не был с ними знаком, но подчас никогда о своих «закадычных» и не слышал.

Из-за перманентной недостойности, но широко афишируемой дружбы типа «водой не разольешь» чувствуешь себя как-то неуверенно, когда приходится вспоминать о действительно близких людях.

Принося извинения за длинную, но необходимую преамбулу, заверяю читателей, что Александр Аркадьевич Галич (Саша, Сашенька, Санька, и так позволялось) и его жена Ангелина Николаевна, Нюша, Нюшка (да! да!) много лет были близкими друзьями нашей семьи, а с Сашей у меня — много общих трудов в театре и кино...

...Впервые я увидел его перед самой войной в шумном доме тогда актера, а впоследствии прелестного детского писателя Виктора Драгунского. Большая комната в «коммуналке», полно народу — молодые артисты, поэты, писатели, все выпендриваются, играют сценки, читают стихи (Ахматова, подпольный Гумилев). И молодой, со следами будущей красоты актер Арбузовской студии, фамилию которого я тогда не запомнил, — посредственно читал стихи какой-то никому не ведомой Цветаевой.

Потом долгий перерыв на страшную войну и уже где-то в пятидесятых в киношном доме «Болшево» вторая встреча. Вялое припоминание довоенного знакомства, обмен ничего не значащими репликами из набора обиходной вежливости. И вдруг — какая-то неожиданная метафора, стихотворная шутка, намек на что-то чрезвычайно привлекательное в будущем, но пока все еще неясно, в тумане. И тут же, вдруг, длинное стихотворение напроцех забытого поэта Зоргенфрея (без всякой запинки) и, без перехода, глава из «Уляяевщины» Сельвинского, дочитывая которую — к роялю, а там на раздолбленном «Шредере» бетховенские «Афинские развалины» — пьеса довольно трудная, я бы с ходу не сыграл.

— Эге, — подумал я тогда. — Ведь это же НАШ ЧЕЛОВЕК!

Тогда и началась эта дружба, а потихоньку и совместные труды. И все эти годы рядом была Нюша — прелестная, умная, очень образованная (в те годы ГИК еще не был таким, как нынче), с тонким чувством юмора. И заботилась она о Саше так, что со стороны это выглядело даже несколько пародийно, утрировано назойливо — Сашенька, не пей! Сашенька, не кури! Сашенька, иди сюда! (туда, гулять, в гости и т. д.). А ему это даже нравилось, может, потому что почти все эти заклинания пропускать мимо ушей, а слышал только то, что хотел. И не ссорились они никогда, что весьма удивляло окружающих — деятели литературы и искусства в этих делах большие мастаки.

Уже всем известно, как знаменитый и материально благополучный сценарист и драматург Александр Галич вдруг начал сочинять «крамольные» песни. И это «вдруг» пришлось на нашу семью — свою вроде, первую, про миллионерочку, стоявшую на посту и вышедшую замуж за заморского принца, прочитал она нам с женой в Болшеве, а к вечеру и

спел. И потом, на меняющихся и постепенно улучшающихся магнитофонах, или у него на Аэропортовской, или у нас дома — записывал все, что сочинялось. И на вечер памяти Галича в Центральном Доме кино, продолжавшемся более пяти часов без перерыва (ни один человек не ушел), я передал оригиналы этих пленок Сашину брату — известному кинооператору Валерию Гинзбургу. (Незадолго до этого я узнал, что у Галича, оказывается, есть дочь от первого брака — за время нашей долгой дружбы он никогда об этом не говорил.)

МНЕ ПОСЧАСТЛИВИЛОСЬ писать музыку к нескольким галичевским работам — фильму по его сценарию «Трижды воскресший» (там помимо оркестровой музыки было еще несколько песен на его стихи), к фильму В. Дормана «Легкая жизнь» мы с ним написали три песни. И в театре — моя музыка для

Моск. комсомолец — 1990, — 10 авг.

Никита БОГОСЛОВСКИЙ

Александр, Сашенька, Санька

Из будущей книги «Что было, а чего не было»

пьесы «Пароход зовут «Орленок» (представлены в Ленинграде и Москве) и «Август» (Ленинград). С этой последней пьесой у меня связано грустное воспоминание.

Ленинград, 26 декабря 1959 года. Премьера пьесы Галича «Август». Автор где-то в первых рядах один, а Нюша и я на несколько рядов дальше.

Второй акт, драматический момент. Вступает оркестр (этот мой лейтмотив пьесы был самым любимым Сашей из всех наших совместных работ). И вдруг в партере раздается страшный грохот. Нюша, еще не зная, что случилось, трагически шепчет: «Это Сашенька». И действительно — он. Под Галичем неожиданно развалился приставной стул. Причем на такое количество мелких кусочков, как будто был специально подготовлен для эффектного циркового номера. Саша, к счастью, не ушибся, действие вошло в свое русло, спектакль имел успех, но весь дальнейший вечер Саша был грустным, сказав: «Есть такая примета, это не к добру». Прошло еще два спектакля — он оставался таким же печальным.

Новый год мы остались встречать в Ленинграде, в большом номере «Европейской». И, примерно за час до полуночи, звонил телефон и режиссер спектакля И. Ольшвангер сообщил Саше, что спектакль снят по указанию «Высоких властей» (эти «Высокие власти» впоследствии за серьезные провинности были назначены на посольский пост в Китай, явно для того, чтобы окончательно испортить отношения с этой страной, что им, властям удалось с успехом выполнить). А это «не к добру» вскоре и надолго реализовалось.

Галич был исключительно одаренным музыкально (про его литературные и исполнительские таланты сказано и написано уже немало). К моему огромному

удивлению, он играл на рояле совершенно свободно, почти как профессиональный пианист, причем знал наизусть множество классических пьес (например, финал бетховенской «Лунной сонаты» и вторую балладу Шопена). Когда я его спрашивал — где учился? откуда это? — он загадочно улыбался и молчал.

Как-то, музицируя, он сыграл мне какую-то мне неизвестную фортепианную пьесу типа элегии. Я спросил: «Что это?» Он смущенно показал пальцем на себя. А на мои настойчивые советы всерьез заняться сочинением музыки, махнув рукой, сказал: «Поздно!».

А ВОТ на гитаре он играл плохо. А ему и не надо было лучше. Сила его стихов, исполнительское мастерство, очень индивидуальные, «галичевские» интонации незамысловатых, но броских мелодий и изощренного аккомпанемента и не требовали — все остальные достоинства

его произведений поглощали эту примитивность, делая ее скромным, но необходимым компонентом песен. И вообще-то я считаю, что произведения такого масштаба мастеров, как Высоцкий и Галич, навсегда привязаны именно только к их собственному, авторскому исполнению. И мне не известен ни один пример, когда бы исполнение их произведений другими артистами хоть бы на чуток приближалось к уровню авторской интерпретации. И потому правильно поступил один московский театр, который в своем спектакле не поет, а читает замечательные стихи Саши.

...Каждый раз, когда мы с женой приезжали в Париж уже после трагической кончины Галича, к нам почти ежедневно приходила Нюша, жившая одиноко, так и не выучившая языка, в маленькой квартирке на рю де Пирине 363-бис (одна из самых длинных в Париже улиц), в двадцатом, крайнем районе города. Жила она только воспоминаниями о Саше, порой говоря о нем в настоящем времени, да так убежденно, что казалось — откроется дверь и войдет элегантный Саша и, сказав «Доброе утро, дамы и господа» (обращения «мужчина» и «женщина» он так и не успел узнать), почтительно поцелует ручки дамам и нежно обнимет друга. Улыбнется, а глаза все равно будут грустными...

Скончалась Ангелина Николаевна тоже трагически, на восемь лет пережив Сашу, — в квартире случайно возник пожар. Пластиковые полы. Она и ее собачка Шуша, тоже бывшая москвичка, во сне задохнулись ядовитым дымом.

...Посмотрел я на вышенаписанное и понял, что еще и малой доли не рассказал о своем дорогом ушедшем друге. Увы, ТАМ их, моих друзей, намного больше, чем ТУТ, рядом.